

ЭЛИЗА ЛУКАС ПИНКНИ – ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА– АГРОНОМ В США.

С. А. Короткова.

Статья об Элизе Лукас Пинкни, первой женщине в североамериканских колониях, которая занималась экспериментами в растениеводстве. Она районировала индиго в Южной Каролине, превратив эту культуру на несколько десятилетий перед Революцией в самый доходный товар. Образование, которое они с мужем дали своим сыновьям, позволило тем сыграть выдающиеся роли во время Войны за независимость и становления США. Но военные действия имели негативные последствия для ее плантаций.

Ключевые слова: история женщин в колонии Южная Каролина, плантации, сельское хозяйство, индиго, воспитание детей, Война за независимость.

This article is about Eliza Lucas Pinckney (1722–1793), probably the first important agriculturalist of the United States. She developed indigo as one of most important cash crops in colonial South Carolina. Eliza also experimented with large fig orchard, with flax, hemp and silk. The progressive education she gave her sons enabled them to play major roles in the American Revolution and in the government of the newly-formed United States of America. Later in life, British raids destroyed her property during the American War of Independence leaving her ruined financially.

Ключевые слова: womens' colonial history of South Carolina, plantations, agriculture, indigo, children's upbringing, the Independence War.

Первое европейское поселение в Каролине - Чарльз-таун (ныне Чарлстон) возникло в 1670 г., через 7 лет после того, как Карл II Стюарт подарил эту землю своим восьмерым лордам-фаворитам. В 1729 г. колония разделилась на две части. Южная Каролина стала самостоятельной королевской Провинцией. Основные богатства приносила торговля, жители быстро научились совмещать сельское хозяйство с коммерцией. Доход давали и леса – местная порода сосны, вар, смола, деготь оказались превосходного качества и были очень востребованы в кораблестроении. Шкуры диких животных – оленей, медведей, енотов, выдры и др., на которых охотились индейцы, скупали колонисты для перепродажи в Европу.

Природные условия Каролины позволяли собирать более одного урожая в год. В 1693 г. капитан одного из торговых кораблей привез местным жителям мешок риса с Мадагаскара. Через несколько лет эта культура заняла первое место в списке экспортируемых товаров, составив серьезную конкуренцию зерну из Ломбардии и Египта, который приобретали жители Европы¹. В середине XVIII в. главной доходной культурой стал индиго – краситель синего цвета. Решающую роль в этом сыграла Элиза Лукас Пинкни (1722 -1793 гг.).

История этой женщины необычна. Судьба предоставила ей возможность полной экономической и юридической независимости, в отличие от роли, которую обычно играли женщины в южных колониях. Жены плантаторов обычно не выделялись «из института личной собственности»². Они чаще всего играли роль белых наложниц среди негритянского гарема, с

¹ В 1700 г. губернатор Каролины писал, что риса колония произвела больше, чем есть кораблей для его транспортировки (300 т отправили в Европу и 30 т на острова Вест-Индии/<http://freespace.virgin.net/robmar.tin/rice/rice.htm>). Основными покупателями были Голландия и германские государства, куда шло 60-80% зерна, некоторое количество приобретала Португалия. Британия риса покупала мало, она предпочитала пшеницу. Это было связано со структурой питания. Рис, наряду с сахаром и овсом, считался лечебной едой в XVII-XVIII вв. В поваренных английских книгах рис рекомендовали только детям, старикам и больным. В повседневной кухне для всех его использовали только в молочных пудингах.

² Gail Collins. *America's women: four hundred years of dolls, drudges, helpmates, and heroines.* N. Y., William Morrow, 2003. P. 70.

единственной разницей, что их дети не продавались, а становились наследниками имущества. Жены и дочери плантаторов, «даже наиболее утонченные и образованные, знали свое место»³. При этом они избегали любого физического труда. Пятая часть рабов на плантации, как правило, была занята домашней работой под их руководством.

Элизе Лукас пришлось выполнять и женские, и мужские обязанности до замужества и после смерти мужа. Эта двойственность вызывала у нее напряжение. Сразу после свадьбы она хотела вернуться к выполнению привычной для Юга роли жены. В 1744 г. она написала: «Сделать делом моей нынешней жизни угождение даже в мелочах человеку с такими достоинствами, как у мистера Пинкни. ... я твердо уверена, что действия вне надлежащей мне сферы и вторжение в его сферу было бы непростительной нарушением благоразумия, т.к. высшее понимание благоразумия ... это его руководство, которое не оставит мне ничего, кроме легкой задачи повиноваться»⁴. Но жизнь распорядилась иначе.

Элиза была старшим ребенком в семье майора пехотного полка британской армии Джорджа Лукаса. Его отец – Джон Лукас был состоятельным человеком, членом Ассамблеи на Антигуа⁵. Получив военное образование в Англии, Джордж вернулся в Вест-Индию. После смерти отца он унаследовал его состояние, в том числе три плантации в Каролине – 243 га на ручье Ваппу (приток р. Эшли), 607 га на реке Комбахи и 1194 га на реке Ваккамау. Здесь на Антигуа у Джорджа и его жены Энн родилось четверо детей – Элиза, Джордж, Томас и младшая Полли. Доходы семьи позволили дать старшим детям хорошее образование в Великобритании. Элиза училась в пансионе, где преподавался обычный для того времени женский набор предметов – чтение, письма, арифметика, Библия, сведения по естествознанию, географии и истории, французский, музыка, танцы, рукоделие. Ученица проявила интерес лишь к естествознанию, а точнее – к ботанике. Скорее всего на это повлияло внимание ее отца к растительному миру Карибского бассейна и его кратковременные эксперименты с сельскохозяйственными культурами, за которыми девочка наблюдала. После учебы Элиза вернулась на Антигуа, а ее братья остались еще на несколько лет в Лондоне заканчивать образование.

Как только утихло активное военное англо-испанское противостояние, Джордж Лукас, ставший к тому времени полковником, решил переселиться в Южную Каролину. Было несколько причин для переезда – состояние здоровья его жены, желание обезопасить семью и, наконец, заняться плантациями отца, чтобы увеличить доходы с них. В колонии к тому времени уже перебрались многие друзья и знакомые полковника, что стало дополнительным мотивом для выбора места жительства. Политический вес и военные связи помогли ему в 1738 г. перевезти семью на континент. Они поселились на берегу соленого ручья Ваппу, соединявшего реки Эшли и Стоно, протекавшими на приатлантической низменности. Элиза так описала место, в котором они поселились:

«Томасу Лукасу, 22. 05. 1742 г. Мой дорогой брат, повинаясь твоему приказу, я взялась описать в коротком повествовании ту часть мира, где я нынче проживаю. Южная Каролина – это обширный и протяженный край, находящийся в непосредственной близости к океану. Большая часть заселенной территории располагается на равнине, почва вблизи Чарльз-тауна песчаная, но по мере удаления от города все чаще встречаются глина и заболоченная местность. Область изобилует прекрасными

³ Carol Berkin. Revolutionary mothers: women in the struggle for America's independence. N. Y., Knopf: Distributed by Random House, 2005. P. 9.

⁴ Journal and Letters of Eliza Lucas. / Harriott H. Ravenel. Women of colonial and revolutionary times. N. Y., C. Scribner's Sons, 1896. P. 115-116.

⁵ Остров был открыт Х. Колумбом в 1493 г. Из-за нехватки пресной воды долго не заселялся европейцами. В 1663 г. Карл II официально подарил остров лорду Уиллоби, который и завез на него большую группу поселенцев. Они начали выращивать хлопок, табак, индиго и имбирь. В 1671 г. Антигуа и Барбуда вместе с островами Сент-Китс, Невис, Антилья и Монсеррат вошли в состав английской колонии Подветренные острова. В 1689 г. король Вильгельм III распорядился созвать на каждом острове Ассамблею, состоящую из землевладельцев и плантаторов.

судоходными реками и богатым строевым лесом. На большом расстоянии от Чарльз-тауна, примерно в 100-150 милях, довольно много холмов.

В целом почва здесь очень плодородная, но пока здесь произрастает не так много европейских и американских видов фруктов и злаковых. Местность буквально кишит дичью, олениной и рыбой. Говядина, телятина и баранина в большинстве своем более высокого качества, чем на Островах (в Вест-Индии), но, конечно, не сравнится с мясными породами в Англии, хотя здешняя свинина самая превосходная из тех, что я пробовала. Индейка здесь чрезвычайно изумительна, особенно дикая, и, несомненно, великолепа вся домашняя птица. Персики, нектарины и дыни всех сортов, в изобилии растущие здесь, также очень хороши, а вкус местных апельсинов несравним с вест-индийскими, испанскими или португальскими.

Как правило, местные жители отличаются особым радушием и благородством, прибавьте к этим чертам вежливое великодушное поведение людей из высшего света. Здешние бедняки, пожалуй, самые ленивые в мире, но в таком изобилующем краю невозможно влачить жалкое существование. Зимы здесь очень мягкие и приятные, но 4 месяца в году царит довольно скверная погода из-за изнуряющей жары, гроз, молний, москитов и песчаных вихрей, кои здесь в избытке.

Центр провинции Чарльз-таун – чистое, приятное место. Его обитатели вежливы и придерживаются деликатных манер, строительство домов и улиц ведется в соответствии с регулярной планировкой, леди и джентльмены облачаются в нарядные одежды. Здесь вы можете встретить множество приятных людей, живущих в самых разных частях города. Церковь **Святого** Филиппа в Чарльз-тауне – чаще всего посещаемая обитель. Большинство жителей весьма религиозны и посещают еще несколько мест, где проводятся публичные богослужения.

Пусть я начала описание довольно поспешно и быть последовательной не в моем характере, но я не могу вам не рассказать, что минувшая весна была самой очаровательной из тех, что доводилось мне видеть. Тем, кому посчастливилось путешествовать через эти края, навсегда запомнят чудесный аромат молодого мирта и желтого жасмина, которые в обилии растут в округе.

Основным источником дохода и единственным товаром, экспортируемым в Европу, здесь является рис. Говядина же, свинина и древесина идут на продажу в Вест-Индию»⁶.

Джордж построил на Ваппу дом, хозяйственные помещения, купил рабов. Но через год началась война, известная как «война за ухо Дженкинса» (1739 -42 гг.)⁷, и полковник должен был вернуться на Антигуа. Начавшись как столкновение в Карибском море, этот конфликт через год был поглощен более крупным противостоянием – Войной за австрийское наследство (1740 -1748 гг.), что опять помешало Джорджу Лукасу вернуться к семье. В 1742 г. он был назначен лейтенант-губернатором острова, позже принял участие в нескольких антифранцузских морских кампаниях, пока не был пленен и отправлен во французский Брест, где умер 11 января 1747 г.

Возвращаясь на службу, отец оставил на 15-летнюю Элизу ее больную мать и 3-летнюю сестру. «Когда полковника позвали военные дела, ... в его окружении были мужчины способные управлять его плантациями. Вместо этого он отдал нить судьбы в руки дочери. В том возрасте, когда многие состоятельные барышни Каролины мечтали о замужестве и детях, Элиза Лукас стала признанным плантатором и хозяйкой сложного колониального хозяйства. Уверенность Джорджа Лукаса в своей дочери была поразительной, он хорошо знал ее возможности и характер, т.к. принял активное участие в ее образовании и воспитании. С самого начала он поддерживал ее становление как женщины с сильным интеллектом, ... широким образованием, уверенным духом и стремлением к достижениям... При этом она не была лишена того, что в XVIII веке считали женскими достоинствами»⁸.

Перед юной хозяйкой сразу встало множество проблем.

⁶ The letterbook of Eliza Lucas Pinckney, 1739-1762. Chapel Hill, University of North Carolina Press, 1972. P. 39-40.

⁷ Война между Англией и Испанией за торговое господство в Новом свете. В Испании ее называют «войной за асиенто».

⁸ Carol Berkin. First generations: women in colonial America. New York: Hill and Wang, 1996. P. 130.

«Миссис Боддикотт, 2. 05.1740 г. Мы живем в 17 милях по суше и в 6 милях по воде от Чарльз – тауна, в округе живут еще 6 приятных семей, с которыми мы поддерживаем добрые отношения. У меня есть маленькая, хорошо обставленная библиотека (**папá** оставил мне большинство из книг), в которой я провожу часть времени. Музыка и сад, которыми я очень увлечена, занимают остаток свободного от дел времени, которых отец мне оставил множество, и, которых, конечно, не избежать, т. к. для **мамá** из-за ее плохого самочувствия они – очень утомительны.

Я веду дела трех плантаций, которые требуют настолько много записей, забот и контроля, что тебе трудно вообразить. Но ты должна представить, что это тяжелая ноша для девушки моего возраста позволяет мне так ответить на твой вопрос: я счастлива, что могу так быть полезна своему отцу...»⁹.

Основной культурой плантаций, которая давала доход, был рис. Но войны за колонии между европейскими державами отрезали Каролину от традиционных рынков сбыта, что привело к существенному падению цены на зерно¹⁰. Полковник Лукас был хорошо осведомлен об экономических трудностях и начал посылать дочери семена растений, которые либо не росли в Каролине, либо другие разновидности тех, что были в колонии. С ними он присылал письма, в которых подробно писал о том, какая почва для них нужна, как ее надо готовить, как ухаживать за растениями, чтобы получить хороший урожай. Некоторые из видов хорошо адаптировались к климату Южной Каролины, другие – либо не росли вовсе, либо не давали урожая. «1. 06. 1740 г. Написала отцу длинное письмо о делах на плантации, ... о тех трудностях, которые выпали мне, когда я взялась за выращивание индиго, имбиря, хлопчатника, люцерны и кассавы (африканское название маниока). Наибольшие надежды я возлагаю на индиго¹¹ (если я смогу получить семена из Вест-Индии пораньше в следующем году), нежели на другие, которые я уже попробовала»¹².

Джордж Лукас, узнав об обнадеживающих результатах, отправил в помощь Элизе «мастера по изготовлению индиго», Николаса Кромвеля, нанятого на соседнем острове Монсеррат. «Моему отцу, достопочтенному сэру, 04.06.1741 г. Хлопчатник, гвинейская кукуруза (разновидность сорго) и большое количество посеянного имбиря уничтожены по вине заморозков. Я уже упоминала в прошлом письме о прекрасной партии семян индиго, высаженных в землю, и с тех пор информировала вас, что они стали жертвой заморозков до того, **как высохли листья**. Я отобрала лучшие из семян и посадила их, но в итоге возшло не более 100 кустов, что еще раз доказывает мою невезучесть, раз вы послали специального человека помочь мне. Но я несколько не сомневаюсь, что со временем индиго станет расхожим товаром, если нам удастся вовремя привезти семена из Вест-Индии и посадить их в достаточном количестве в конце марта, чтобы листья могли высохнуть до того, как нагрянут заморозки. Я очень сожалею, что мы упустили нынешний сезон. Не в наших силах что-либо изменить сейчас, но мы должны встретить следующий год во всеоружии. С люцерной дела обстоят лучше, но размеры ее невелики. Мистер Хант говорит, что это обычное явление в местных условиях в первый год цветения»¹³.

⁹ The letterbook of Eliza Lucas Pinckney. P. 7.

¹⁰ За 1720-30-е гг. производство риса в Каролине выросло в 5 раз (с 1,8 тыс. т до 10 тыс. т). В 1700 –е гг. – 1 т. риса стоила 100 шиллингов, в начале 1750-х – 50-55 шиллингов, в начале 1770-х гг. - 32-38 шиллингов/ <http://freespace.virgin.net/robmar.tin/rice/rice.htm>

¹¹ Индигофера красильная (*Indigofera tinctoria*) - растение из **Индии**, **дающее** чрезвычайно прочную краску для тканей. Листья растения, замоченные в специальном растворе, после ферментации дают индиготин или синий индиго. Синий краситель английские текстильщики закупали у французов, который привозили его из своих колоний. Им красили униформенное сукно для разного рода войск, а также ткани, из которых шили верхнюю одежду.

¹² Journal and Letters of Eliza Lucas. P. 364.

¹³ The letterbook of Eliza Lucas Pinckney. P. 15-16.

По приезде помощник развил «бурную» деятельность, построил для ферментации кирпичные чаны, но полученная краска оказалась очень плохого качества. Н Кромвель уверял, что все дело в климате и качестве листвы. Однако Элиза, тщательно наблюдая и осторожно экспериментируя, нашла «ошибку». Мастер «испортил качество краски, бросив листья в слишком большое количество известковой воды»¹⁴. Через какое-то время девушка поняла, что помощник намеренно вредит производству, опасаясь появления серьезного конкурента для поставщиков индиго из Вест-Индии. Она уволила Николаса, вместо которого отец прислал его брата - Патрика Кромвеля.

«14 октября 1741 года я рассказала своему отцу о том, что мы собрали 20 мер веса индиго – большего мы не ожидали. Листья индиго высохли не полностью, мне следовало бы отправить отцу немного продукта. Также я попросила, чтобы он выслал нам 100 мер веса семян для посадки следующей весной»¹⁵. Несмотря на маленький урожай на Ваппу удалось сделать 20 фунтов индиго. «Полковнику Лукасу, достопочтенному сэру, 01. 06.1742 г. Количество индиго, о котором я упомянула, выросло на половине акра или чуть больше. Но так как работа эта все еще новая для нас, а листья не были еще сухими, то растения перестояли и много листвы опало. Поэтому мы будем рады новым семенам»¹⁶. Взяв семена, присланные отцом, и те, что удалось собрать, Элиза сумела получить некоторый урожай. «Моему отцу, 08.09.1742 г. Последняя партия присланных семян не была хорошей. Ничего не взошло. Но мы сохранили достаточное количество семян из собранных нами, чтобы получить урожай на будущий год»¹⁷. Но и в 1743 г. результаты не были удовлетворительными.

Только в 1744 г. плантация Ваппу доказала, что на земле Каролины можно вырастить индиго, качество и количество которого могут быть конкурентоспособны на рынке.

«1744 г. Из небольших запасов семян индиго, выращенного на земельном участке в Ваппу, мы поделились с братом Николаса Кромвеля, который вырастил 17 фунтов прекрасного индиго. Практически такое же количество индиго произвел мистер Дево. Большинство местных жителей были весьма воодушевлены такой удачей. Мистер Пинкни отправил в Англию с одним отставным военным пробную партию в размере 6 фунтов. Если наш товар найдет достойный отклик, то мы получим оттуда солидное вознаграждение. К слову сказать, доходы от продажи наших товаров внутри колонии выросли в пять раз. Мы очень довольны возможностью экспортировать в течение нескольких лет свой товар и обеспечивать промышленные нужды нашего отечества, ведь наша страна в этом так остро нуждается. Страна напрасно теряет тысячи фунтов ежегодно, когда закупает товар для своих нужд во французских колониях, тогда как она может так же хорошо обеспечиваться здесь, если подойти к этому вопросу со всей серьезностью»¹⁸.

Индиго, отправленный в Англию, был очень высоко оценен. Из Лондона в декабре 1744 г. пришло письмо: « Я показал ваше индиго одному из самых известных брокеров, который сравнил его с лучшим французским индиго. Его мнение: индиго хорош!!!... Когда вы сможете в какой-то степени удовлетворять английский спрос, мы уверены, что парламент откликнется на нашу просьбу и введет налог на импортный товар, т.к. у меня есть информация, что ежегодно мы платим за французский индиго 200 тысяч фунтов стерлингов»¹⁹. Еще один корреспондент написал: «Присланный образец индиго попробовали... и нашли его лучше французского»²⁰.

¹⁴ The letterbook of Eliza Lucas Pinckney. P. XVII.

¹⁵ Ibid. P. 22.

¹⁶ Ibid. P. 50.

¹⁷ Ibid. P. 56.

¹⁸ Harriott H. Ravenel. Women of colonial and revolutionary times. New York, C. Scribner's Sons, 1896. P. 104-105.

¹⁹ The South Carolina Gazette, April 1, 1745.

²⁰ Ibid.

Большая часть урожая с плантации Ваппу была превращена в семена, часть из которых Элиза раздала «маленькими порциями большому количеству людей». Это был очень щедрый жест, поскольку семена стоили дорого, и цена на них не снижалась со временем²¹. (Вывоз семян индигоферы из французских колоний считался государственным преступлением).

В 1745 г. усилия Элизы были вознаграждены. Первый доход от краски, отправленной лондонскому агенту, составил 225 ф. ст. Ее соседи также смогли получать значительные урожаи, т. к. даже начали давать в газету объявления о продаже семян²². За 4 года (1745-1748 гг.) экспорт индиго из Южной Каролины вырос в 27 раз – с 5 тыс. фунтов до 135 тыс. фунтов (около 60 т)²³. В 1748 г. британское правительство назначило премию в 4 пенса за каждый фунт, чтобы заинтересовать владельцев плантаций в его выращивании и вытеснении французского индиго с английского рынка. Это дало свой результат, к 1754 г. Южная Каролина поставляла ежегодно 100 тыс. фунтов краски. Индиго стало главной статьей дохода колонии (1 фунт краски соответствовал по цене 100 фунтам риса)²⁴, позволявшей плантаторам удваивать свой капитал каждые три-четыре года²⁵. В урожайные годы перед Революцией экспорт составлял более 1170 тыс. фунтов индиго. После Войны за независимость землевладельцы штата пытались вернуться к производству индиго, но потерпели неудачу. К этому было три причины: первая – исчезла английская премия; вторая – Британия стала ввозить индиго из Индии, полученной в результате Семилетней войны; третья – производство хлопка оказалось занятием более легким и выгодным.

Усилия Элизы Лукас не ограничились только экспериментами по выращиванию индиго. Взяв кредит, она заложила большую дубовую рощу для будущих кораблестроителей, т. к. была уверена, что рано или поздно в Каролине появятся верфи. Чтение трудов Вергилия вдохновило ее на посадку кедровой рощи. «Мисс Барлетт, апрель 1742 г. В этот раз мне прислали лишь первый том Вергилия, но я была приятно удивлена, встретив в книге инструкции по ведению сельского хозяйства, заодно получив немало удовольствия от очаровательной манеры изложения. Хотя Вергилий писал в Италии и для Италии, но я убедилась, что многие приведенные им примеры вполне подойдут и для Каролины. Я никак не могла оторваться от этой книги.

Однако спокойная и притягательная манера повествования мирной пастушеской жизни вполне соответствовала наступлению самого очаровательного в году сезона, которым я так сильно восхищаюсь, и изящный легкий язык нашего поэта должным образом отразил картину пришедшей весны. Но мне следует дать тебе передышку, до тех пока ты не приедешь в наши края и не оценишь красоты девственной природы собственными глазами. Величественные сосны возвышаются на свежих лугах; молодой мирт радуется своим благоуханием, золотистый жасмин обволакивает своим ароматом и делает незабываемыми сельские прогулки в рощах деревьев. Вид, открывающийся с веранды, запах жимолости и многочисленные лесные красоты приглашают разделить радости нашего края.

Вы можете прийти в недоумение, как я могу в столь радостное время года заниматься выращиванием кедровой рощи, ведь это занятие, пожалуй, более привычно для осенней мрачности и торжественности, чем для свежей и яркой весны. Но это так. Я начала заниматься обустройством рощи на прошлой неделе... Я намереваюсь впоследствии соединить в моей роще торжественность ... лета и осени с жизнерадостностью и яркостью весны. Для этой цели я собираюсь разбить рядом с рощей поляну с множеством цветов, заодно и сад, где будут цвести

²¹ В 1758 г. 1 бушель (около 35 л) семян индиго стоил 10 фунтов стерлингов./ Ravenel H. Op. cit. P. 104.

²² The South Carolina Gazette, December 2, 9, 1745; January 20, February 1, 10, 1746.

²³ <http://www.distinguishedwomen.com/biographies/pinckney.html>

²⁴ Carole Ch. Waldrup. Colonial women: 23 Europeans who helped build a nation. Jefferson, N.C.: McFarland, 1999. P. 132.

²⁵ Ravenel H. Op. cit. P. 106.

ромашки, а в разных уголках сада посажу апельсиновые деревья, нектарины и многое-многое другое»²⁶.

В своем фруктовом саду она посадила фиговые деревья, намереваясь экспортировать сушеный инжир. Она делала попытки выращивать коноплю и лен, которые никогда раньше не росли в этих широтах, для текстильных целей, а также зерновые и хлопок. «1744. Мы слышали, что в Гарден-Хилле имеются прекрасные возможности по выращиванию высококачественных зерновых культур; мы отдали личное поручение ... касательно запасов семян, которые, я надеюсь, станут здесь ходовым товаром»²⁷. «Август 1744 г. Пожалуйста, отправьте нам немного терпентина и две пары чесальных машин для хлопка, мы собираемся выращивать хлопок для производства тканей, но хорошей сделки не совершить без волоконоочистителей»²⁸.

В конце 1740-х гг. Элиза заинтересовалась производством шелка, т.к. тутовые деревья прекрасно росли в Каролине. По ее распоряжению в 1752 г. из Китая на плантацию Белмонт (на р. Купер) привезли личинок тутового шелкопряда. Она самым внимательным образом следила за развитием червяков и высушиванием коконов, вместе с девушками-негритянками разматывала нить. Первый же опыт оказался очень удачным: шелка было получено столько, что его хватило на три женских платья²⁹.

Плантационные заботы, опыты с растениями занимали много, но не все время Элизы. Кроме этого она много читала, занималась музыкой, французским, стенографией, рукоделием, переписывалась с широким кругом людей, вела дневник, ездила в гости, посещала светские мероприятия и балы. Чтобы успевать все это она установила строгий распорядок дня. «Мисс Барлетт, апрель 1742 г. ... я поднимаюсь в 5 утра, до семи читаю, затем иду в сад или поле проверить чем и как заняты мои слуги, возвращаюсь и завтракаю. Час после завтрака – занятия музыкой, затем тем, что без постоянных упражнений может быть потеряно – французским и стенографией. После этого время до того, как я начну одеваться к обеду, я посвящаю маленькой Полли и двум девочкам-негритянкам, которых я учу читать. Если я получу одобрение моего отца (от матери я его уже получила), я намереваюсь взять школьную наставницу для остальных негритят. Но продолжу – первый час после обеда, как и после завтрака – музыка, остальное время пока не зажгут свечи – рукоделие, затем до сна – чтение или записи. Но в отдельные дни этот распорядок нарушается визитами. В понедельник ко мне приходит учитель музыки. По определенным вторникам мы с моей подругой миссис Чардон навещаем друг друга (мы живем на расстоянии 3 миль). По четвергам весь день, за исключением самых неотложных дел, я посвящаю деловой и дружеской переписке. Каждую вторую пятницу, если нет компании, еду сама с визитами»³⁰.

Один день в неделю - четверг - Элиза занималась только хозяйственными делами: платила по счетам, приобретала товары для усадьбы, нанимала и увольняла помощников, писала отчеты агенту в Лондон о состоянии дел, кредитах и уплате процентов по ним, покупала и продавала скот. «В письме я подняла вопрос о распродаже коровьего стада в Ваппу, о иерусалимском терновнике, следует ли в этом году вести строительство отводных каналов для люцерны, о скудном урожае имбиря, о необходимости поставки семян индиго. В качестве подарка отправила отцу поднос для посуды, с собственноручно нанесенным на него орнаментом в японском стиле – мой первый опыт. Также отослала рис и говядину. Отправила губернатору Томасу из Филадельфии и его дочери коробку для хранения чая собственного производства»³¹.

²⁶ The letterbook of Eliza Lucas Pinckney. P. 35-36.

²⁷ Ravenel H. Op. cit. P. 104.

²⁸ Ibid. P. 126.

²⁹ Одно из них было подарено принцессе Уэльской, еще одно – до сих пор хранится в музее в Чарлстоне.

³⁰ The letterbook of Eliza Lucas Pinckney. P. 34-35.

³¹ The letterbook of Eliza Lucas Pinckney. P. 25.

Элиза много помогала соседям в юридических вопросах (написать завещание, получить долги, составить обращение к адвокату и др.), т.к. обладала хорошими правовыми знаниями, благодаря библиотеке, оставленной ей отцом³². Кроме этого она часто пользовалась богатым книжным собранием, которое было у полковника Чарльза Пинкни, ее соседа. С этой семьей она познакомилась через свою подругу Мери Барлетт, племянницу Ч. Пинкни. Полковник, видя интерес Элизы к серьезному чтению, часто давал ей труды античных классиков, знакомил с новинками европейской литературы, произведениями просветителей.

«Июнь – июль 1741 г. К моему возвращению сюда (на плантацию) все казалось мрачным и унылым. ... это, несомненно, проистекает из праздного веселья, коему я предавалась, будучи в городе. Я нашла в себе силы обратиться к мистеру Локку, и, в конце концов, поняла, в чем заключается моя индивидуальная особенность, словно я вновь стала сама собой. Я не хочу казаться эрудированной, ссылаясь на мистера Локка, но вы можете судить, как я благодарна мистеру Пинкни, порекомендовавшему мне этого автора. По правде говоря, я достаточно поняла из его трудов, чтобы быть совершенно очарованной. Я подсчитала, что потратила на захватывающее чтение пять месяцев, прежде чем дошла до финала»³³.

«Март-апрель 1742 г. С этим письмом я отправляю книги полковника Пинкни и буду очень признательна ему за сочинения Вергилия, несмотря на то, что вышеупомянутая старая леди, рассердилась на мои книги и на следующий день пожелала бросить томик моего Плутарха в огонь. Она крайне раздосадована, по ее словам, тем, что чтение сведет меня с ума, и попросила со всей серьезностью не прикасаться к трудам отца Мальбранша³⁴. Что-то мне подсказывает, что выполнить ее просьбу я никогда не смогу»³⁵.

«Дорогой мисс Барлетт, 30 июня 1742 г. Я отправила с посыльным мои самые искренние пожелания мистеру Пинкни и последний том «Памелы»³⁶. Памела – хорошая девушка и, несомненно, заслуживает нежной любви, но, я считаю, что у нее есть видимые недостатки, и мне даже пришлось краснеть за нее, когда героиня романа позволяла себе с напыщенной бесцеремонностью расхваливать саму себя или, что ей особенно нравилось, бесконечно повторять утонченные речи, придуманные за нее другими людьми, или же безобразно выпячивать свою скромность с тем расчетом, чтобы вызвать уважение других, когда как предпочтительней было бы скрывать свои достоинства или, по меньшей мере, чтобы разговор о них звучал не из ее уст.

План автора был в том, чтобы нарисовать портрет обычной женщины, и он определенно замыслил показать тщеславие, присущее женскому полу, и то, что совершенный характер в одних случаях, может проявлять свои недостатки в других обстоятельствах, к примеру, когда Памела оговаривает бедного мистера Х. Мне в голову приходит тот же Дон Кихот – человек, достойный всяческих похвал, но который все же слыл безумцем. Я, наверное, слишком далеко зашла в своих рассуждениях, до этого у меня не наблюдалось ни возможности, ни склонности к критике. Памела показала мне пример критического метода мистера Локка и права не соглашаться с взглядами замечательного автора, написавшего этот роман»³⁷.

Чтение и музыка были серьезными увлечениями девушки, поскольку они скрашивали ее сельскую жизнь. «Январь 1742 г. ... Кроме того, я рассказала отцу, что начала брать уроки музыки у мистера Пэйчебла, как он (отец) того хотел. Мне следует приложить все усилия, чтобы

³² Carol Berkin. First generations: women in colonial America. N. Y., Hill and Wang, 1996. P. 131-2.

³³ The letterbook of Eliza Lucas Pinckney. P. 19.

³⁴ Николя Мальбранш (1638–1715) – французский философ. Занимался математикой, физикой и философией. В его взглядах сочетаются идеи Декарта, Августина и неоплатоников.

³⁵ The letterbook of Eliza Lucas Pinckney. P. 33.

³⁶ Роман Самуэля Ричардсона «Памела, или награжденная добродетель» (1740).

³⁷ The letterbook of Eliza Lucas Pinckney. P. 47-48.

овладеть игрой на клавикорде. Я любезно попросила отца, чтобы он послал в Англию за кантатами доктора Пепуша³⁸, гимнами Уэлдона³⁹ и инструкцией для настройки Ноллера»⁴⁰.

Джордж Лукас помогал своей дочери по мере возможности, огорчаясь ее неудачам и радуясь успехам. Он всерьез переживал, что многочисленные плантационные заботы мешают устройству личной жизни Элизы. В одной из писем он написал ей о двух мужчинах, каждого из которых считал достойным стать ее мужем. Но девушка проявила в этом вопросе самостоятельность и твердость. «Вы очень добры, говоря о моем благоразумии и о том, что я не буду неосмотрительно испытывать страсть к кому-либо. Надеюсь, что Господь направит меня, и я никогда не разочарую Вас. Обещаю, что я не буду потворствовать чьей-либо страсти без Вашего одобрения.

Я думаю, что одинокая жизнь – не мой удел. Но мне пока всего 18 лет, и я очень надеюсь, что Вы оставите свои мысли выдать меня замуж по крайней мере года на 2-3. Я прошу Вас передать старому джентльмену мою благодарность за его щедрость и нежные чувства ко мне. Но никакие богатства Чили и Перу, вместе взятые, не заставят меня питать к нему чувства, необходимые для замужества. Что касается второго, то я его едва знаю, и у меня нет никакого мнения о нем»⁴¹.

Элиза Лукас вышла замуж через два года - 27 мая 1744 г. за овдовевшего соседа и своего давнего друга - Чарльза Пинкни⁴². В семье родилось четверо детей, трое из которых выжили – сыновья - Чарльз Котесворт, Томас и дочь Гарриет. Элиза отнеслась к своим новым ролям жены и матери с той же серьезностью, которые отличали ее в жизни. Она даже составила сама себе клятву: «Быть хорошей женой для моего дорогого мужа во всех отношениях, поступать во всем сообразно искренней любви и долгу перед ним. Молиться за него, вносить в его душу добро, мир и покой, заботиться о его здоровье, его интересах и его репутации, делать для него все, что в моих силах. Сделать его для себя вторым после Бога.

Быть хорошей матерью для своих детей, молиться за них, подавать им хорошие примеры, добрые советы, быть осторожной с их душами и телами, наблюдать за их нежным разумом, тщательно искоренять зародыши и первые проявления пороков, прививать им благочестие, добродетель и настоящую веру в Господа»⁴³.

Родители подошли к воспитанию и образованию своих детей с либеральных позиций. «Мисс Барлетт, 20 мая 1745 г. Могу я попросить Вас купить моему сыну новую игрушку (описание которой прикладываю), чтобы учить его по методу мистера Локка (который я тщательно изучаю) – «учить играя». Мистер Пинкни сам разработал ряд игрушек, чтобы научить его буквам до того, как он заговорит. Вы понимаете, мы начинаем учить его, хотя ему нет еще и четырех месяцев»⁴⁴. Через год Элиза пишет своей сестре в Лондон, которая училась там в пансионе: «Моей дорогой

³⁸ Пепуш Иоганн Кристоф (1667-1752) - английский композитор, органист. По национальности немец. После 1700 г. жил в Лондоне. Писал музыку для театров "Друри-Лейн" и "Линкольне Инн Филдс". Участвовал в организации "Академии старинной музыки" (1710). Написал увертюру и арии для "Оперы нищего", 1728). Среди других сочинений - кантаты, концерты, сонаты.

³⁹ Уэлдон Джон (1676 -1736) – английский композитор. Был органистом в Новом колледже в Оксфорде, стал хорошо известен в музыкальной среде как автор музыки для балов-маскарадов. В 1701 г. выиграл соревнование среди музыкантов, написав лучшую музыку для оперы «Суд Париса». Писал музыку для театра «Друри-Лейн», в конце жизни - в основном духовную музыку для Часовни королевы.

⁴⁰ The letterbook of Eliza Lucas Pinckney. P. 25.

⁴¹ Ravenel H. Op. cit. P. 55-56.

⁴² Чарльз Пинкни (1699 -1758) – был богатым владельцем рисовых плантаций и известным юристом, занимавшим высокие посты в колонии: 1733 – Генеральный прокурор Провинции, 1736, 1738, 1740 – спикер Ассамблеи, 1752-3 – Верховный судья Провинции, 1753 -58 – агент колонии Южная Каролина в Великобритании.

⁴³ Ravenel H. Op. cit. P. 117.

⁴⁴ Ibid. P. 113.

Полли, 1746. Ваш маленький племянник, еще не достигший двух лет, но уже в 20 месяцев лепечущий очень вразумительно, выражает Вам свое почтение и благодарит за игрушки... ..он уже уверенно называет буквы из любой книги и начинает писать»⁴⁵.

Несмотря на многочисленные семейные заботы Элиза не оставила своих увлечений сельскохозяйственными экспериментами. Теперь она занималась ими на плантации Бельмонт, в 5 милях от **Чарльз-тауна**, куда привез ее муж. В середине 1750-х гг. она познакомилась с переехавшим в Америку из Англии ботаником Александром Гарденом (1730 -1791), который вдохновил ее на создание большого экспериментального парка-сада с экзотическими растениями.

В 1753 г. Чарльз Пинкни увез свою семью в Англию, куда был назначен агентом от колонии. Он давно собирался в Британию, где его умерший брат оставил ему небольшое имение. Здесь он отдал своих сыновей в Вестминстерскую школу, после которой они получают высшее юридическое образование в Оксфорде, а затем еще год будут изучать естественные науки во Франции. Дочери Элиза Пинкни даст максимально возможное домашнее образование. Мальчики вырастут в политических лидеров, таланты которых раскроются в годы Войны за независимость и становления США.

Семья, благополучие которой в большой степени зависело от финансовых и деловых связей с Британией, казалось должна была занять лоялистские позиции в начавшемся в 1760-х гг. конфликте с метрополией. Но мать и ее дети поддержали патриотов. Элиза Пинкни давно утратила уважение к британскому правительству. Во-первых, из-за того, что Англия не приложила усилий по освобождению ее отца из французского плена, в котором он погиб; а, во-вторых, из-за оскорбления нанесенного ее мужу. Его - уважаемого южнокаролинцами юриста, сместили с поста Главного судьи, ради того, чтобы отдать этот пост Питеру Лею – бывшему старшему судебному приставу из Вестминстера, вынужденному покинуть Лондон из-за коррупционного предвыборного скандала, и, отнюдь, не обладавшему большим опытом и авторитетом в правосудии. Это был один из первых примеров «министерской тирании» в отношении колонии, крайне возмущивший ее жителей.

Акты о налогообложении колоний привели к подъему антибританских настроений. «Если они ввели налог в 2 пенса, то почему бы им не ввести и 10 фунтов? А если 10 фунтов, то почему не сделать 10 тысяч? Англичанин мистер Локк провозгласил, что никто не имеет права на то, чтобы отобрать права у другого»⁴⁶. Южнокаролинцы отправили гербовые марки обратно в Англию, чай в 1774 г. побросали в реку Купер, а в поддержку бостонцам отправили денег и продовольствия на сумму 3150 фунтов. Все эти действия поддержала Элиза и вернувшийся домой после учебы Чарльз Котесворт, который в 1773 г. женился на Саре Миддлтон⁴⁷. От младшего сына, который заканчивал учебу в Военной академии в Кайене (Франция), Элиза узнала, что Б. Франклин, А. Ли и Р. Изард собрали в Лондоне молодых американцев для составления петиции парламенту и королю с осуждением законов, навязываемых колониям. В письме дочери она с гордостью пишет о том, что этот документ «подписали 29 американцев, 15 из которых были каролинцами»⁴⁸.

17 февраля 1775 г. Э. Пинкни пишет: «Я только что из церкви, где слушала впечатляющую христианскую патриотическую проповедь мистера Смита, которой аудитория внимала со всей серьезностью. Вся Ассамблея пришла в церковь, во главе со спикером...»⁴⁹. В августе того же года в письме к дочери: «... я вижу по приготовлениям палаток и др., что наши солдаты готовы

⁴⁵ Ibid. P. 114.

⁴⁶ Ravenel H. Op. cit. P. 249.

⁴⁷ Ее отец - Генри Миддлтон стал вторым президентом Первого Континентального конгресса, а брат Артур был среди подписавших Декларацию независимости.

⁴⁸ Ravenel H. Op. cit. P. 252.

⁴⁹ Ibid. P. 259.

выйти в поле. Я очень надеюсь, что у них будет мало причин для этого. Небеса поддерживают тех, у кого есть мужество провозглашать прирожденные права людей, Божественную Свободу! Британия, несомненно, вскоре будет проучена нашими успехами и единодушием, несмотря на ее усилия разобщить нас. Америка предопределена быть свободной, даже силе британского оружия не дано поработить такую большую страну, как наша.

Мы знаем о тех низменных душах, которые приехали сюда бедными, создали здесь себе имя и положение, а теперь топчут своих благодетелей и предают место, которое стало для них пристанищем. Из-за таких негодяев, бесспорно, мы испытываем многие из сегодняшних бедствий. Скажи мистеру Хорри⁵⁰, что его друг Дж. угрожает напасть на Комитет, за что его могут поймать, устроить ему макание в реку или одеть в «модный костюм» (из смолы и перьев)⁵¹.

Оба сына и зять Элизы принимали участие в военных действиях. Братья вступили в Первый полк Южной Каролины в чине капитанов, а зять – стал полковником в полку легких драгун⁵². Пока мужчины были в армии, Элиза с дочерью и невестками управляли плантациями, следили за сохранностью имущества, растили детей. До 1778 г. на юге было относительно спокойно. Но

⁵⁰ Муж Гарриет – дочери Элизы.

⁵¹ Ravenel H. Op. cit. P. 265.

⁵² Уже летом 1775 г. они отправились в форт Джонсон на острове Джеймс. После участия в успешной защите Чарлстона (битва у о. Салливан), Чарльз Котесворт получил чин полковника и полк, с которым он присоединился к Континентальной армии под Филадельфией. Затем участвовал в битвах при Брендивайне и Германтауне. В 1778 г. он вернулся на юг. В составе одной из бригад Южной армии Б. Линкольна участвовал в неудачных операциях по захвату Восточной Флориды и возврату Саванны. В 1780 г. во время обороны Чарлстона вместе с большей частью Южной армии он попал в плен, где вел пропагандистскую работу в пользу дела патриотов. Очень известны его слова этого периода: «Я никогда бы ни сделал ничего, за что мог бы быть презираем своими товарищами. Если бы в моих венах не текла кровь с любовью к моей стране, я бы вскрыл их. А если бы у меня была бы хоть капля крови, готовая пролиться бесчестно, я сам бы выпустил ее». Он был в плену до 1782 г., пока его не освободили. В 1787 г. он участвовал в работе Конституционного конвента, сыграл заметную роль в принятии Конституции США и создании Конституции Южной Каролины в 1790 г. В 1804 и 1808 гг. он участвовал в президентских выборах как кандидат от партии федералистов. С 1805 г. и до смерти был президентом- генералом Общества Цинциннати. В 1810-х гг., отойдя от политики, увлекся экспериментами по выращиванию хлопка и добился в этом больших успехов.

Его брат Томас участвовал во многих военных действиях, был адъютантом генерала Горацио Гейтса. В 1780 г. в битве при Камдене раненым был захвачен в плен англичанами. После лечения его обменяли на английского офицера. В 1781 г. сражался под командованием Лафайета в Вирджинии. После войны несколько лет занимался своими плантациями, прежде чем вернулся в политику. В 1787-9 гг. был 36-м губернатором Южной Каролины. В 1792 г. Дж. Вашингтон назначил его послом в Великобританию, одновременно он исполнял обязанности чрезвычайного посланника в Испании, где подготовил Договор Сан-Лоренцо (или Договор Пинкни) по разграничению американских и испанских земель в Северной Америке. По возвращении стал кандидатом от партии федералистов на президентских выборах 1796 г. В 1797 -1801 гг. – член Палаты представителей США от Южной Каролины. Во время англо-американской войны 1812-1815 гг. занимал пост генерал-майора. Последняя общественная роль – президент-генерал Общества Цинциннати в 1825 -28 гг.

Зять - Даниэль Хорри - был сыном известного французского гугенота, владельца рисовой плантации на реке Санти. Даниэль занимал посты мирового судьи, уполномоченного комиссара, члена Ассамблеи Южной Каролины. Во время Войны за независимость воевал в рядах Континентальной армии. Но когда британцы заняли Юг, он, чтобы спасти свою плантацию от разорения, перешел под их защиту. Будучи уверенным в победе англичан, в 1781 г. отвез своего сына на учебу в Великобританию. После победы революционных сил за переход на сторону противника на него возложили штраф в размере 12% от стоимости всего имущества. После его смерти в 1785 г. Гарриет (его жена), подобно своей матери, с успехом управляла его плантацией.

после вступления Франции в войну, британцы обратили пристальное внимание на южные районы, где надеялись на поддержку лоялистов. В декабре 1778 г. экспедиционный корпус из армии генерала Г. Клинтона занял Саванну. В мае 1779 г. силы генерал-майора Августина Превоста осадили **Чарльз-таун**, разорив территорию между двумя городами. Плантации, принадлежавшие семье Пинкни, стали объектами грабежа. Имение на реке Эшли, которую Томас посчитал самым безопасным местом для сохранения ценностей семьи, **оказалось** на пути следования **англичан, было разорено и разграблено**. Результаты многолетних экспериментов Элизы с растениями были уничтожены, дубовая роща вырублена на дрова для солдат.

«Майору Пинкни, май 1779 г. Мой дорогой Том, я только что получила твое письмо о моих потерях и о том, что враги уничтожили практически все твое имущество. Какой тяжелый удар! Но не для меня, а для тебя. Я в глубокой печали, мой горячо любимый сын. Потеря состояния не так сильно волнует меня, как осознание того, что мои дети лишились моей поддержки, когда больше всего в этом нуждаются. Своевременное великодушное предложение твоего брата разделить между нами немногочисленные остатки достойно похвалы. Я чрезвычайно взволнована, но совсем не удивлена его великодушием. Я знаю его справедливость, чуткость и привязанность. Ты говоришь, что я должна быть благоразумной и не должна согласиться с этим предложением. Мой дорогой Том, я слишком благоразумна, чтобы принять хоть один пенс от молодой нуждающейся семьи. Независимость – это все, что мне нужно, вы сделали немало для этого. Не огорчайся за меня, мое дитя, я уверяю тебя, что не делаю ничего ради себя. Разве я способна думать о своей нелегкой судьбе, пока мои дети подвергают себя опасности? Боже упаси! Я молюсь Всевышнему, чтобы он защитил моих детей и внуков. И когда для всех наступят спокойные времена, я надеюсь, что смогу воскликнуть, что милость Господа не знает границ»⁵³. «Майору Пинкни, май 1779 г. ... Неприятель полностью разграбил дом в Бельмонте, но не тронул ни одного негра. Так как люди в Бич - Хилле находились в безопасности, я приказала им оставаться там, где они находятся. ... Я надеюсь, что ты и твой брат будете достаточно близко, чтобы взять управление ситуацией в свои руки, но я буду в отчаянии, если вы ничего не сможете сделать. И так как неприятель отступает к реке Эшли, я думаю, они будут грабить округу, пока не решат уйти. В таком случае, я боюсь, мы не сможем помешать им»⁵⁴.

20 июня 1779 г. майор Томас Пинкни со своим отрядом нанес поражение А. Превосту в битве у реки Стоно, после чего британцы отошли к Саванне. Но в следующем году южнокаролинцам пришлось пережить немало горестных дней после того, как генерал Клинтон осадил, а потом захватил **Чарльз-таун**. Дом Элизы среди других в городе был конфискован для размещения солдат. В окрестностях города британцы наносили так называемые «домашние визиты» в дома и на плантации в поисках «партизан», которые продолжили борьбу с англичанами, после разгрома Южной Континентальной армии. Во время «визитов» солдаты грабили имущество каролинцев и уводили с собой рабов, чтобы продать их. В письме к своей подруге она пишет: «Возможность найти Вас живой и благоденствующей доставит мне большое удовольствие. Это чувство, с которым я была мало знакома до недавнего времени, и которое Вы поймете, когда я расскажу Вам, что была ограблена и покинута моими рабами; имущество мое растащено по частям, деньги обесценились, мои дети больны и находятся в плену...

Таково плачевное состояние нашей стороны после того, как по ней за последние два года прошли две армии. Плантации почти, а некоторые целиком, разрушены. Все, за некоторым исключением, сильно **пострадало**: запасы, скот, лодки, телеги – либо забрали, либо нанесли урон. Урожай этого года будет очень маленьким из-за бегства негров во время обработки почвы

⁵³ Ravenel H. Op. cit. P. 275-276.

⁵⁴ Ibid. P. 277-78.

и посадки. Кроме всего этого провинция может быть доведена до обнищания из-за смерти рабов от оспы, которая пришла из британского лагеря»⁵⁵.

К концу войны Элиза оказалась практически банкротом, у нее не было средств на восстановление плантаций. В 1782 г она не смогла оплатить счет в 60 фунтов стерлингов. В письме с просьбой об отсрочке платежа она пишет: «Может показаться странным, что одинокая женщина, не уличенная в преступлениях, чей достаток позволял ей жить благородно в любом уголке мира, чье состояние исчислялось различными видами собственности и сосредотачивалось в четырех или пяти частях провинции, в сжатые сроки стала столь неимущей, что не может выплатить долг в 60 с лишним фунтов стерлингов, но таков мой необычный случай. После многочисленных потерь, которые мне принесли последние 3-4 разорительных года, когда было предано огню и разграблено имущество, как в городе, так и в сельской местности, у меня еще оставались некоторые средства к существованию, но, увы, рука правительства лишила меня большей части оставшегося».

Труд рабов, которых я использовала с позволения мистера Краденса в конфискованном имении своего сына Чарльза, не принес ни гроша с тех пор как пал **Чарльз-таун**. Около 30-40 голов домашнего скота, которых мне разрешили держать на той же плантации, были взяты в ноябре прошлого года майором Ярборо и его отрядом для нужд армии. Взамен же я ничего не получила. Мой дом на Эллори-стрит, который я постоянно сдавала в аренду за 100 фунтов стерлингов ежегодно, за короткое время пребывания в нем гессенцев пришел в такое жалкое состояние, что раздосадованный съемщик заплатил за весь срок аренды не более 12 гиней.

Как я уже говорила, мою плантацию, которую я сдавала в аренду мистеру Симпсону за 50 гиней, использовал майор Фрейзер, чтобы расквартировать там кавалерийские части. И, мне кажется, мистер Симпсон не склонен платить мне за второе полугодие 1781 года. К моему глубокому сожалению, строевой лес, произрастающий рядом с усадьбой, был практически полностью вырублен для нужд Гаррисона, причем я не получила ни пенни. Моих негров, которые находились в городе, время от времени привлекали к общественным работам. Натерпевшись страха, они ищут предлоги, чтобы ничего не делать. Таким образом, мне приходится, хоть и вопреки желанию, умолять Вас потерпеть еще, пока положение моих дел не улучшится»⁵⁶. Прошло несколько лет, прежде чем восстановилось относительное благополучие семьи.

В 1785 г. после смерти зятя Элиза переехала к своей дочери на ее плантацию на реке Санти, где и провела почти все оставшиеся годы. В 1793 г. она в сопровождении внучки поехала в Филадельфию к врачу, т.к. была больна раком груди. Но доктор оказался бессилён, и 26 мая Элиза Лукас Пинкни умерла. Проводить ее в последний путь приехал Джордж Вашингтон, который безмерно уважал эту выдающуюся женщину.

Сведения об авторе:

Короткова Светлана Александровна, НИУ – ВШЭ, к.и.н., доцент кафедры политического поведения факультета прикладной политологии.

korotkova_s_a@mail.ru

⁵⁵ The letterbook of Eliza Lucas Pinckney. P. XXIII.

⁵⁶ Sally S. Booth. The women of '76. N.Y., Hastings House, 1973. P. 262.